

Проспер Мериме. Партия в триктрак

Пер. фр. - М.Кузмин. В кн.: "Проспер Мериме. Новеллы".

М., "Художественная литература", 1978.

OCR & spellcheck by HarryFan, 5 March 2001

Недвижные паруса висели, словно прилипнув к мачтам; море было как зеркало; зной был удушлив, безветрие приводило в отчаяние.

В морском путешествии развлечения, которые могут доставлять себе обитатели корабля, немногочисленны. Увы! Люди слишком хорошо знают друг друга, проведя вместе четыре месяца в деревянном жилище длиною в сто двадцать футов.

Вы видите, как подходит старший лейтенант, и вы уже знаете, что он сначала будет рассказывать вам о Рио-де-Жанейро, где он только что побывал; потом о пресловутом мосте под Эсслингом [этот мост соединял остров Лобау с левым берегом Дуная; он позволил французским войскам быстро перейти реку и разбить австрийскую армию под Эсслингом (май 1809 г.)], построенном на его глазах гвардейским экипажем, в котором тогда служил и он. Недели через две вам уже известны его излюбленные выражения, все, вплоть до манеры расставлять знаки препинания в фразах, до различных интонаций его голоса. Он непременно сделает печальную паузу, когда в его рассказе первый раз встретится слово "император"... "Если бы вы тогда его видели!!!" (три восклицательных знака), - прибавляет он неизменно. А случай с лошадью трубача или с ядром, которое рикошетом сорвало сумку, где находилось семь с половиной тысяч франков в золоте и драгоценностях, и пр. и пр.! Младший лейтенант - великий политик; он каждый день обсуждает последний номер "Конститусьонеля" [основной орган либеральной оппозиции в период Реставрации], вывезенный им из Бреста; если же он опустится с высот политики и снизойдет до литературы, то угостит вас разбором водевиля, который он только что видел. О боже!.. У судового интенданта была своя весьма интересная история. Когда в первый раз он нам рассказал, как он бежал с понтона в Кадисе [французы, вынужденные капитулировать в 1808 году в испанском городе Байлене, содержались на понтонных судах в гавани Кадиса], мы слушали его с восторгом; но, право же, при двадцатом повторении это уже было невыносимо... А мичманы, а гардемарины... Как вспомнишь их разговоры, волосы становятся дыбом. Капитан - обычно наименее скучный человек на корабле. В качестве деспотического начальника он находится в состоянии скрытой войны со всем своим штабом; он придирается, иногда притесняет, но зато какое удовольствие потихоньку проклинать его! Если у него есть какие-нибудь причуды, тягостные для подчиненных, то смеяться над своим начальником тоже не лишено приятности и служит некоторым утешением.

Офицеры корабля, на котором я находился, были превосходнейшие люди - все добрые малые, любившие друг друга братской любовью, но скучали они вовсю. Капитан был кротчайшим созданием, отнюдь не придиричивым (что встречается весьма редко). Свою диктаторскую власть он проявлял всегда очень неохотно. А все же каким долгим показалось мне это плавание! Особенно тягостно было безветрие, в полосу которого мы попали всего за несколько дней до того, как увидели землю!

Однажды после обеда, который мы от нечего делать тянули, насколько было возможно, мы все-собрались на палубе в ожидании однообразного, но всегда величественного зрелища заката солнца на море. Одни курили, другие перечитывали в двадцатый раз какой-нибудь из трех десятков томов нашей жалкой библиотеки; все до слез зевали. Мичман, сидевший рядом со мной, занимался тем, что с важностью, достойной лучшего применения, бросал на дощатый пол палубы острием вниз кортик, который обычно носят при непарадной форме морские офицеры.

Это тоже своего рода развлечение, притом требующее известной ловкости